

ПРИ ПЕРВОМ знакомстве Марсель не назовешь поэтичным городом. Его поэзия в упрямой сопряженности с морем, в сухости и напряженности улиц от долгого южного солнца, в трудовой впряженности людей портово-промышленного центра, а такая поэзия жесткая, прямовата, кричаща, но не поэтична. Внешний вид Марселя шероховат, щербат, крупноволокнист в яростных лучах юга; тем явственнее здесь обращается к вам сосредоточенная мысль темных внутренних пространств — в громадном соборе с обетами спасенных и исцеленных на стенах, в строгой романской церкви, помнящей, наверное, и крестоносцев, в зрительном зале театра, где вот-вот начнется репетиция...

Марсельский Национальный театр, возглавляемый Марселем Марешалем, вот уже восемь лет располагается в перестроенном рынке. На рынке торговали рыбой и много кричали, отсюда и французское название «Ла Крие»; по-русски мы бы ближе всего подошли к сути, если бы перевели это как «кричливый рынок». Маршалевская «Ла Крие» расположена почти на самой кромке Старого марсельского порта — а где же еще располагаться рыбному рынку? — и мачты яхт, которым ныне принадлежит натруженная веками гладь порта, покачиваются на воде в такт разговорам людей, выходящих из театра.

Спектакли Марешаля хорошо знакомы нашим зрителям. Два раза его труппа совершала турне по СССР, играя и классику, и современные, не переведенные на русский произ-

Поэзия любви

ведения. В конце этого года мы увидим еще один мольеровский спектакль одного из крупнейших мастеров современного французского театра — «Дон Жуан», поставленный в сезон 1987/88 года вслед за «Школой жен».

А марсельцы стали недавно зрителями последней премьеры Марешаля — режиссер обратился к самой французской из всех комедий — «Женитьба Фигаро» Бомарше. В год двухсотлетия Великой французской революции это название само просилось в афишу, будучи для 1789 года пьесой «эмблематической». Но Марешаль открыто заявил в программном растолковании, что не хочет играть социальный нафос этой комедии, потому что «это в ней есть. Это сказано. И очень сильно»; его влекло передать на сцене «мир свободы, безумства, радости, чувственности».

На обложке программы изображен фрагмент одной из известнейших картин Фрагонара, который и в пикантных альковных эпизодах, и в идиллических из семейной жизни, как никто, умел создавать особую атмосферу влюбленности, душевного здоровья, открытости души. Таков и Марешаль в этом спектакле.

Огромную роль в нем играет смена дня и ночи, чередование света и тьмы — мы словно то проливаем в тайну человеческой души, то снова останавливаемся перед завесой, скрывающей ее. В начале действия босоногий Фигаро (Жан-Поль Борд) слушает, как на «утренней репетиции» юные музыканты играют прелестную незатейливую музыку, и в окна ливается яркий солнечный свет. В конце пьесы, когда женщины в густом мраке расставят на авансцене зажженные плоские свечи, светильнички, напоминающие о старинном театре, но и точно соответствующие церковным veilleuses, которые в католическом храме «бодрят» за людей, продолжая молитву, Фигаро пронесет свой монолог как церковную исповедь, прожив трудный день и все же найдя в себе душевные силы на свирепый спор с самим со-

бой. Свет и мрак влекут к себе по-разному разных персонажей: приткая пухлощекая прелестница Сюзанна (Сабин Оденеп) распаивает ставни, не скрывая ни от Фигаро, ни от самой себя ни одного душевного движения — не по наивности, а по душевной зоркости; а Марселина (Мишель Грелье), эта уводящая Элизабет Тейлор, отличающаяся, однако, чисто французской изысканностью поведенческих предпочтений, предпочитает полумрак таинственного чувства и немедленно эти ставни закрывает. Марселина, кстати, — одно из открытий этого спектакля: актриса, игравшая в конце пятидесятых годов в «Комеди Франсез», вносит в характер столько величия и подлинной внутренней красоты, что на какие-то мгновения позволяет Марешалю обнаружить в этой стремящейся к потемкам душе ярчайший свет.

Одной из тем спектакля становится своего рода конфликт поколений — возрастные «зазубринки» между двумя парами: Граф — Графиня и Фигаро — Сюзанна. Графиня в смелом изображении виртуознейшей Нелли Нуржо, уводящем в возраст постарше балзаковской женщины, нервная, импульсивная, взвинченная: что-то ускользает у нее из рук, что-то раздражает и манит в самой близости, и ужас перед тьмой, ставнями, захлопнутыми навсегда, то и дело вспыхивает в этих бездонных от истерического возбуждения глазах. Графиня играет Марсель Марешаль, который, казалось бы, вовсе к этой роли не подходит прежде всего резко «характерной» внешностью. Но, увидев этого ртутного, пританцовывающего, плененного жизнью и пленительного Графа, голос которого способен сыграть самое замысловатое па, а ноги — продекламировать самый многоплановый монолог, мы уже никогда не сможем его забыть, а может быть, и вовсе не примем больше никогда никакого иного Графа.

Порхающий мотылек, которого любовь дарит легкими крыльями, зримо воплощается в Керубино — Шанталь Лавалле. «Керубино —

это существо, которое рождается для любви, а когда только рождаешься для чего-то, то не знаешь пока, кто ты. Ребенок пока не знает, кем он будет. Он есть все. Он — цельность акта любви», — пишет Марешаль. При нынешнем недоверии к «искусству воображаемого», когда даже в опере норовят передать травестийные роли мальчикам и контратенорам, Марешаль поручает роль Керубино актрисе и тем делает «постоянную ставку в игре». Лавалле с первого же появления творит маленькое чудо, распахнутые огромные глаза уводят нас в бескрайние небеса. Этот Керубино со своим вполончельным, с шершавинкой, голосом, не стеснясь, примеряет на себя точное звание своего имени — херувим; ангелом летает он по действию, и его влюбленность, будучи самой горячей и самой пылкой, какой только может быть, обнаруживает свою ошеломляющую бестелесность, какую-то оторванность от тела, растворенность в воздухе. Самые проникновенные, самые серьезные моменты спектакля принадлежат почти безмолвным дуэтам Графини и Керубино, когда эти двое, несущие в себе недосказанность и напряжение любви, доверяют друг другу свои предчувствия в мелодиях взглядов... Но нет ангелу места в реальной жизни, потому в конце спектакля он пересекает черту рампы и взмывает между кресел амфитеатра вверх, прочь от тех, кого он так взбудоражил и одухотворил...

В спектакле немного музыки, но она настолько изящна и точна по мысли (автор ее — Франсуа Фейт), что делает спектакль музыкальным по самой своей сути.

Главным «итогом» маршалевского спектакля становится поэзия любви. Величественная у Марселины и приземленная у Фигаро, тревожная у Графини и добрая, спокойная у Сюзанны, легкомысленная у Графа и одухотворяющая у Керубино. В пронизывающей всю жизнь любви — энергия этого поэтичнеешего спектакля, рожденного в непозитичном на первый взгляд городе Марселе.

Алексей ПАРИН.

● Сцена из спектакля театра «Ла Крие» по пьесе Бомарше «Женитьба Фигаро».

Фото Ива Галлуа.

Соб. рукоп. - 1989. - 24 авг. - с. 5